

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДОВ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА:
ОЦЕНКА ЭТНИЧЕСКИХ РИСКОВ В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ МИГРАЦИИ**

С.В. Соболева

ИЭОПП СО РАН

И.В. Октябрьская

Институт археологии и этнографии СО РАН

Е.В. Антропов

Музей города Новосибирска

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-03-00205)

Аннотация

В статье дается характеристика этнодемографической ситуации в Сибирском федеральном округе в динамике в связи с миграционными процессами. Анализируются этнические аспекты в развитии человеческого потенциала городов СФО. Делается вывод о длительном сокращении численности народонаселения округа при сохранении «западного тренда» внутренней и внешней миграции и при отсутствии возможности компенсации демографических потерь за счет миграции. В округе происходит неэквивалентный миграционный обмен, в том числе рабочей силы. Авторы констатируют усиление этнической мозаичности в народонаселении СФО, большую вариативность этнокультурных стандартов, растущую конкуренцию

на рынке труда и в социокультурной сфере, в том числе и по этническому признаку, актуализацию интолерантных моделей поведения. Сегодня на-родонаселение СФО описывается совокупностью показателей, которые формируют проблемные перспективы развития. Миграция и вызванные ею этносоциальные и этнодемографические трансформации региональных, в том числе городских, сообществ СФО формируют зоны риска.

Ключевые слова: человеческий потенциал, Сибирь, этнодемографи-ческая структура, миграции, этносоциальные риски

Abstract

The paper analyzes the dynamics of the ethnic and demographic situation observed in the Siberian Federal District in connection with migration processes. We consider ethnic aspects of the human development in the SFD cities. We can conclude that a reduction of the population with a western trend of internal and external migrations has been observed in the SFD for a long time, and such demographic losses due to migration could not be compensated. An unequal migration exchange, including the labor migration, has taken place. We can also state that the more intensive character of mosaic structure of the SFD population as well as of variety of ethnic standards can be observed as well as higher competitiveness in labor markets and sociocultural spheres, including those by ethnic features and acceptance of intolerant behavior patterns. Currently, the indicators of the SFD population display the critical problems for its future development. The migration and migration-induced transformations taken place in the ethnic, social and demographic structure of the SFD regional communities, including urban ones, generate zones of risks.

Keywords: human potential, Siberia, ethnic and demographic structure, migra-tions, ethnic and social risks

Высокая значимость Сибири для экономического развития и со-хранения территориальной целостности страны ставит задачу поддер-жания человеческого потенциала сибирских регионов в разряд страте-гических приоритетов обеспечения национальной безопасности. Это особенно актуально в условиях усиления миграционных процессов на глобальном, национальном и региональном уровнях. Конкретизация исследований на уровне городов Сибирского федерального округа от-

носится к числу приоритетных задач. В рамках программы долговременных исследований ИЭОПП СО РАН, ориентированных на оценку человеческого потенциала региона, был осуществлен анализ его демографических и социально-экономических аспектов [1, 2]. Характеристика этнических факторов развития человеческого потенциала СФО в контексте миграционных процессов впервые осуществляется в рамках данной работы.

На начало 2012 г. в регионах СФО проживало 19261 тыс. чел., из них на долю горожан приходилось 72,2% всего населения (в РФ – 73,9%). В городах округа сосредоточен основной экономический и социокультурный потенциал региона. На территории СФО располагается три города-миллионника: Новосибирск, Омск и Красноярск. Максимальный уровень урбанизации в 2012 г. наблюдался в Кемеровской и Иркутской областях и составлял соответственно 85,4 и 79,6%. Республика Алтай, где доля городского населения достигла 28,7%, занимала по этому показателю последнее место в округе (рис. 1).

За межпереписной период 2002–2010 гг. численность городского населения в СФО сократилась на 409,4 тыс. чел. (2,9%): на естественный фактор пришлось 85% этого сокращения, на миграционный – 15%. При этом за общими средними показателями стоят весьма существенные различия. Так, численность городского населения в Омской области за обозначенный период сократилась на 1%, в Красноярском крае – на 3,8, в Алтайском – на 4,6, в Иркутской области – на 5,5 и в самой урбанизированной Кемеровской области – на 6,1%. Наиболее значительное сокращение произошло в Республике Хакасии – на 7,4%. Вместе с тем за счет высокого уровня рождаемости и положительного естественного прироста в таких субъектах, как Республика Тыва и Республика Алтай, где проживает коренное население СФО, численность городского населения выросла соответственно на 3,9 и 6,4%. Кроме того, при отрицательном естественном приросте только за счет миграции увеличилась численность городского населения в Новосибирской и Томской областях – соответственно на 1,9 и 3,8%.

Такая ситуация в округе сложилась за длительный период (с начала 1990-х годов) сокращения рождаемости, роста смертности и отри-

Человеческий потенциал городов Сибирского федерального округа:
оценка этнических рисков в контексте развития миграции

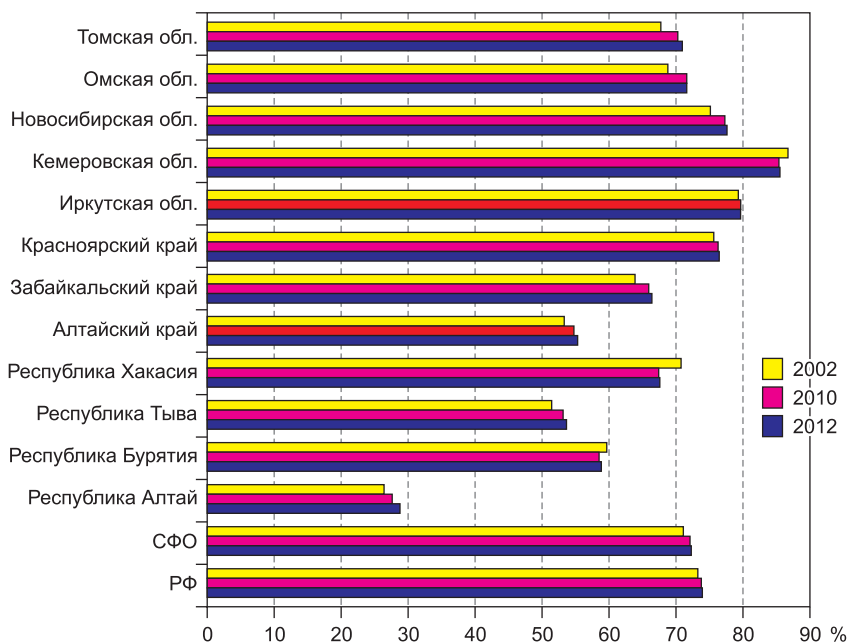

Рис. 1. Динамика уровня урбанизации в субъектах Сибирского федерального округа за 2002–2012 гг.

2002 и 2010 гг. – по итогам переписи населения, 2012 г. – данные на начало года

цательного естественного прироста населения как в городе, так и в селе. Наибольшими темпами за счет естественного фактора сокращалось население в регионах преимущественного проживания русских: в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской и Омской областях. Вместе с тем положительный естественный прирост населения за счет высокого уровня рождаемости происходит в таких субъектах, как Республика Тыва, Республика Алтай и Республика Бурятия.

Начиная с 2006 г. в СФО, как и в стране в целом, наблюдалась положительная динамика демографических показателей, что связано как с общим улучшением ситуации в результате оживления экономики, так и с повышенным вниманием, оказанным демографической и социальной сфере, а также со структурными факторами. Уже к 2007 г.

более половины регионов округа вышло на положительный естественный прирост.

В 2006 г. городское население прирастало за счет естественного фактора только в четырех субъектах СФО: в Республике Тыве, Республике Алтай, Республике Бурятия и Агинском Бурятском автономном округе. В 2007 г. к ним присоединились Читинская и Томская области, в 2008 г. – Республика Хакасия и Иркутская область, в 2009 г. – Красноярский край. Таким образом, в 2009 г. восемь из 12 субъектов СФО имели положительный естественный прирост городского населения, однако в целом городское население продолжало уменьшаться за счет естественной убыли, но уже гораздо более низкими темпами. Что касается сельского населения округа, то в это время происходил его положительный естественный прирост.

Общая численность городского населения СФО впервые за многие годы увеличилась в 2010 г. – полностью за счет начавшегося с 2007 г. положительного миграционного прироста, а в 2011 г. наконец был достигнут также и небольшой естественный прирост городского населения. В результате, по данным за 2011 г., естественная убыль в городских поселениях все еще сохранялась в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской и Омской областях, а общая численность городского населения продолжала снижаться только в Иркутской и Кемеровской областях.

При этом на фоне стабилизации численности населения городов меняется его социально-демографическая структура: уменьшается численность лиц трудоспособного возраста, сокращается мобилизационный потенциал. Только за 2002–2010 гг. численность городского населения трудоспособного возраста до 30 лет уменьшилась в СФО на 304,3 тыс. чел. (8,4%), а численность населения 30–44 лет – на 154,9 тыс. чел. (4,9%); одновременно численность населения в возрасте 45–54 (59) лет увеличилась на 44 тыс. чел. (1,8%). В результате позиции молодой возрастной группы снизились на 1,7 п.п., а старшей – выросли на 1,8 п.п. К началу 2012 г. в городах СФО численность населения трудоспособного возраста до 30 лет сократилась еще на 78,4 тыс. чел. (на 2,4%).

Таким образом, обозначилась тенденция снижения трудового потенциала городов Сибири не только за счет уменьшения численности населения в трудоспособных возрастах, но и за счет изменения возрастной структуры в сторону старения. К настоящему времени дефицит трудовых ресурсов в СФО обозначился в качестве главного лимитирующего фактора развития.

Сокращение численности населения трудоспособного возраста и его доли в общей численности населения позволяет прогнозировать рост демографической нагрузки и увеличение числа иждивенцев в расчете на одного трудоспособного жителя в городах СФО, рост социальных расходов на поддержку инфраструктуры, обслуживающей пожилое население. Следствием этого могут стать резкое увеличение налоговой нагрузки на экономику или реформа пенсионной системы. Важно отметить, что данные процессы в Сибири идут параллельно с аналогичными процессами во всей стране. По оценкам среднего варианта прогноза Росстата, демографическая нагрузка в России на 1000 трудоспособных увеличится с 638 чел. в 2012 г. до 700 чел. в 2015 г. и далее будет расти. При этом вклад пожилых в общую нагрузку будет составлять 55–60% и возрастет по сравнению с 1989 г. на 20–25%.

Такая демографическая ситуация при планируемом росте темпов экономического развития Сибири формирует дефицит трудовых ресурсов в регионе. По предварительным оценкам, при увеличении потребности в занятых только на 3 п.п. понадобится дополнительная рабочая сила в размере около 500 тыс. чел.

Один из вариантов решения проблемы компенсации дефицита трудовых ресурсов связан с актуализацией миграционного фактора. Если в 2002 г. большая часть субъектов СФО имели отрицательный миграционный прирост городского населения, то начиная с 2007 г. миграционный прирост в городах округа положителен и имеет тенденцию к увеличению (рис. 2). К 2011 г. в большинстве регионов, кроме Республики Тывы, Забайкальского края и Иркутской области, городское население прирастало за счет миграции.

Миграции исторически определяют характер этнодемографических трансформаций в Сибири с начала ее освоения. В ходе долговре-

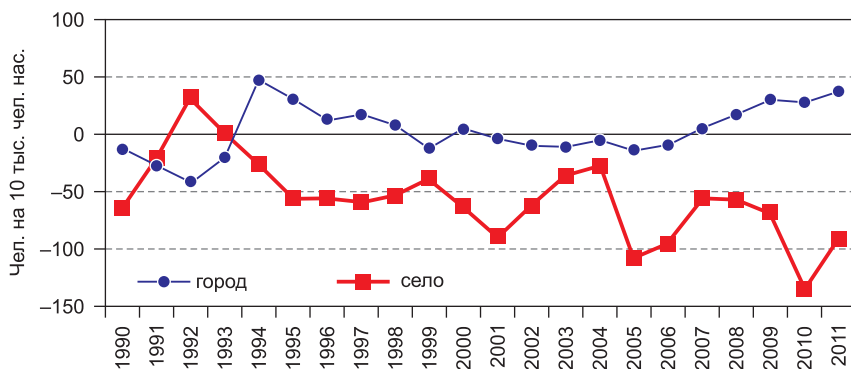

Рис. 2. Динамика коэффициентов миграционного прироста в Сибирском федеральном округе (город и село)*

менных миграций сформировалось дисперсное расселение пришлых жителей – представителей разных народов. Анализ официальной статистики дает представление о современной этнодемографической структуре населения СФО (табл. 1).

Современная этнодемографическая структура населения по регионам СФО имеет неоднородный характер (табл. 2). При существенных различиях в этнической структуре народонаселения по отдельным субъектам СФО для округа в целом характерны общие тенденции. К положительным следует отнести рост численности коренных жителей: алтайцев, тувинцев и бурят. Но, как и в Российской Федерации в целом, в СФО продолжается абсолютное и относительное сокращение численности русского населения, причем ускоренными темпами (см. табл. 1). За период 1989–2002 гг. численность русских в России уменьшилась на 4 млн чел., а за 2002–2010 гг. – на 5 млн чел. Численность русских в СФО за те же периоды сократилась соответственно на 3,4 и 5,6%. Среди субъектов округа выделяется Алтайский край, где численность русских уменьшилась на 6,8%, и Республика Тыва, где сокращение составило 20%.

* Начиная с 2005 г. представлены скорректированные данные на основе переписи населения 2010 г.

Таблица 1

**Динамика численности народов, проживающих на территории Сибирского
федерального округа, за 2002–2010 гг.**

Народ	2002		2010		2010, % к 2002
	Тыс. чел.	% к СФО	Тыс. чел.	% к СФО	
Русские	17531	87,4	16543	85,90	94,4
Буряты	428	2,13	443	2,30	103,5
Тувинцы	240	1,20	260	1,38	108,3
Украинцы	373	1,86	227	1,18	60,9
Татары	253	1,26	204	1,06	80,6
Немцы	309	1,54	198	1,03	64,1
Казахи	124	0,62	118	0,61	95,2
Алтайцы	66	0,33	73	0,38	110,6
Армяне	60	0,30	63	0,33	105,0
Азербайджанцы	60	0,30	55	0,28	91,7
Белорусы	82	0,41	48	0,25	58,5
Узбеки	17	0,08	42	0,21	2,6 раза
Чуваши	62	0,31	41	0,21	66,1
Таджики	17	0,09	32	0,17	1,9 раза
Киргизы	12	0,06	31	0,16	2,6 раза
Мордва	33	0,16	19	0,10	57,6
Китайцы	5	0,02	9	0,05	1,8 раза

Также ускоренными темпами продолжалось в 2002–2010 гг. абсолютное и относительное сокращение в СФО численности белорусов, украинцев и мордвы (около двух пятых от их общего числа), немцев и чувашей (около трети), татар (около одной пятой). К 2010 г. в этнодемографической структуре населения округа значительно возросло число представителей Средней Азии и Закавказья. Лишь казахи уменьшили свою совокупную численность – за 2002–2010 гг. на 5,6%,

Таблица 2

**Этнодемографический состав населения субъектов Сибирского
федерального округа в 2010 г., чел.**

Субъект СФО	Русские	Украинцы	Немцы	Татары	Казахи
Республика Алтай	114802	1010	700	414	12524
Республика Бурятия	630783	5643	1016	6746	685
Республика Тыва	49434	493	87	352	50
Республика Хакасия	427647	5039	5976	3095	363
Алтайский край	2234324	32226	50701	6794	7979
Забайкальский край	977400	6743	750	5857	570
Красноярский край	2490730	38012	22363	34828	1970
Иркутская обл.	2144075	30827	3725	22882	952
Кемеровская обл.	2536646	22156	23125	40229	1701
Новосибирская обл.	2365845	22098	30924	24158	10705
Омская обл.	1648097	51841	50055	41870	78303
Томская обл.	922723	11254	8687	17029	1705
Итого по СФО	16542506	227342	198109	204254	117507

причем уменьшение произошло в большей степени в Алтайском крае и Новосибирской области. В настоящее время Омская область, имея самую протяженную границу с Казахстаном, аккумулирует основную часть казахского населения – 78,3 тыс. чел., или 69,5% от численности всех казахов округа (см. табл. 2).

Численность армян и азербайджанцев, показавших по результатам переписи 2002 г. ее рост в СФО соответственно в 2,5 и 1,8 раза, в период 2002–2010 гг. либо прирастала значительно меньшими темпами (армяне), либо даже сокращалась (азербайджанцы) в целом по округу. При этом за последний межпереписной период в СФО в разы возросла численность узбеков, киргизов, таджиков, китайцев, а также увеличился их удельный вес в этнодемографической структуре населения (см. табл. 1).

При общих тенденциях изменений в этнодемографическом облике СФО существенно различаются процессы, происходящие в его субъектах. Наибольшая динамика характерна для областей с высоким уровнем урбанизации, промышленного производства и развитой социальной инфраструктурой. Города округа интенсивно стягивают к себе экономически активное население, во многом аккумулируют макрорегиональные тенденции и выступают зоной наибольшего риска.

Отдельного внимания заслуживают г. Новосибирск и Новосибирская область, расположенная в окружении субъектов СФО и одновременно имеющая южную международную границу. По показателям миграционного прироста область является абсолютным лидером на фоне остальных регионов округа. При этом масштаб, интенсивность, социально-демографические показатели современной миграции существенно отличаются от аналогичных показателей принимающего сибирского сообщества (табл. 3).

Таблица 3

Динамика этнодемографической структуры населения Новосибирской области с 1989 по 2010 г., тыс. чел.

Народ	1989	2002	2010	2010, % к 1989
Русские	2556,9	2504,1	2365,8	92,5
Немцы	61,5	47,3	30,9	50,2
Татары	29,4	27,9	24,1	82,0
Украинцы	51,0	33,8	22,1	43,3
Узбеки	2,2	2,0	12,6	572,7
Казахи	12,3	11,7	10,7	87,0
Таджики	0,7	2,8	10,0	1428,6
Армяне	2,3	7,8	9,5	413,0
Азербайджанцы	3,6	7,4	8,0	222,2
Киргизы	1,1	1,4	6,5	590,9

В постсоветские десятилетия для народонаселения Новосибирской области и СФО в целом характерно масштабное снижение численности народов, традиционно участвовавших в аграрном и индустриальном освоении Сибири. Значительная трансформация исторически сложившегося этнического баланса была вызвана центробежными тенденциями перераспределения населения на постсоветском пространстве и активной миграцией.

Согласно данным переписи 2010 г., в г. Новосибирске проживают представители 129 народов, из них русские составляют более 92% населения. Сходная ситуация характерна и для других городов СФО, хотя этническая структура их населения имеет ряд отличий.

В общей сложности в 2010 г., по данным Управления Федеральной миграционной службы России по Новосибирской области, по вопросам гражданства было принято 4356 положительных решений, в том числе в отношении русскоязычного населения – 51%. Кроме того, гражданство Российской Федерации приобрели 210 участников Государственной программы РФ по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, и 184 члена семьи соотечественников. В 2011 г. в Новосибирской области по разрешению на временное проживание находился 4561 чел. Наибольшее число лиц, желающих оформить разрешение на временное проживание, прибыли из Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Армении и Украины.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, в 2011 г. внешняя миграция составила 40,6%, в том числе миграционный оборот с регионами России – 34,8%, со странами СНГ – 5,2, с другими зарубежными странами – 0,6%. Положительное сальдо миграции в Новосибирской области обеспечивалось за счет внутрисоссийского обмена (58%) и притока мигрантов из стран СНГ (42%).

В 2011 г. положительное сальдо миграции сложилось у области со всеми регионами, входящими в СФО, кроме Республики Алтай. Среди иммигрантов около 94% составляли бывшие жители стран СНГ, из них 87% – выходцы из Казахстана и Средней Азии.

В течение 2012 г. на территории СФО, по данным ФМС, находилось 1073 тыс. иностранных граждан. Более 104 тыс. чел. были зарегистрированы в 2012 г. как иностранные работники, и основную часть из них (около 76%) составляли граждане стран СНГ, а дальше зарубежье было представлено преимущественно гражданами КНР.

Как показывает современная статистика, в большинстве городов СФО сохраняется абсолютное преобладание русскоязычного населения. Но нельзя не признать, что в ходе миграции усиливается этническая дробность. Расчет индекса полиэтничности (на основе подсчета количества условных этнических групп доминирующего численного состава) позволяет аналитикам констатировать, что в среднем по России он имеет довольно значительную величину – 7,4, но существенно различается по федеральным округам. Для Северо-Кавказского округа этот индекс составляет 10,5, для Южного и Дальневосточного он немного ниже 5, уровень полиэтничности в остальных округах, включая СФО, находится в диапазоне 3–4. [3].

Сибирские города являются привлекательными для многих мигрантов с точки зрения уровня жизни и возможности получения более высоких доходов. Кроме того, ситуация на рынке труда в Сибири характеризуется устойчивым спросом на дешевую рабочую силу и сохраняющимися возможностями занятости для мигрантов. Экономические характеристики, и в частности отраслевая структура, возможности для ведения предпринимательской деятельности, развитость и мультимодальность сибирских городов, при общей социальной стабильности и достаточно высокой толерантности в обществе являются важными факторами иммиграции.

Миграционная динамика в масштабах региона за последнее десятилетие отличается стабильно высокими показателями. Ее оценка, данная экспертами, варьирует в очень большом диапазоне: от признания экономической целесообразности до акцента на факторах риска.

По мнению одного из ведущих специалистов по этнополитической истории Сибири профессора М.Н. Шиловского, «пока социум может переваривать национальную диаспору, все нормально. Чем больше представителей нерусских этносов становится, тем плотнее почва

для конфликтов. Нынешняя ситуация... очень сильно напоминает период русской революции 1905 года. Тогда малые этносы начали выдвигать идею национального, культурного самоопределения. Тогда буряты, алтайцы, якуты заговорили об автономиях, обострился антисемитизм, и националистические настроения тогда были такими же распространенными» (цит. по: [4]).

Этнический риск, обозначенный в связи с развитием миграции, в формате прогноза на уровне экспертной оценки во многом отражает общественное мнение, сложившееся в регионе. Анализ статистики при этом приводит к более сдержанным оценкам. Характеризуя масштабы и значение миграции для современной России в целом и для ее отдельных регионов в частности, аналитики подчеркивают, что в разное время доля мигрантов достигала 7–10% трудовых ресурсов страны. Что касается производимого трудовыми мигрантами совокупного продукта, то он, согласно выводам одного из ведущих отечественных этнополитологов академика В.А. Тишкова, составляет от 7 до 10% ВВП России, что во много раз превосходит объем капиталов, отправляемых мигрантами в страны исхода [5].

В то же время в политической (предвыборной) риторике 2000-х годов, звучавшей на уровне глав регионов и комитетов Госдумы, речь шла о риске «миграционного давления» на инфраструктуру, об угрозе исторически сложившемуся межэтническому балансу и о возможной эскалации межэтнических конфликтов. В этой связи приводятся цифры, отражающие количество нелегальных (нерегистрируемых) мигрантов, которые, по разным оценкам, составляли в России от 2 до 12 млн чел. В 2000 г. для России в целом эксперты оценивали легальную составляющую занятости иностранцев на уровне 8–10% от общей численности иностранной рабочей силы, находящейся в стране [6].

По данным Федеральной миграционной службы, в 2010 г. в России находилось около 5 млн иностранных граждан, из которых на законных основаниях трудились около 1 млн чел. В официальных документах 2012 г. указывается цифра в 3,5 млн чел., экспертная консенсус-оценка представляет цифру в 2,4 млн чел. [5, 7].

Оценка численности миграционных сообществ лидерами диаспор существенно отличается от официальной статистики и экспертных заключений. Так, в Новосибирске, к примеру, декларируемая численность азербайджанцев составляет 70 тыс. чел. [8], что превышает их численность, официально зафиксированную в Новосибирской области на 2010 г., в 9 раз; численность армян составляет больше 40 тыс. чел., что выше официальной численности более чем в 4 раза [9]; постоянная численность таджиков оценивается в 15 тыс. чел. при 30–35 тыс. временных рабочих, что превышает учтенное в переписи число в 5 раз [10]; киргизская диаспора определяется числом в 50 тыс. чел., что дает превышение по области в 8 раз [11].

Неофициальные оценки косвенно свидетельствуют о доле сезонных и нелегальных мигрантов. Консенсус-оценка представителей всех диаспор в целом в Новосибирске держится на уровне 80–100 тыс. чел. Но сам факт завышения реальной численности самых больших диаспор города может говорить о тенденциях роста ожиданий их лидеров и укрепления диаспоральной инфраструктуры.

В отношении мигрантов оценка рисков развития человеческого потенциала связана с невозможностью реализации ими в полном объеме традиционной структуры идентичностей (включая культурный, языковой и конфессиональный компоненты) и их слабой интегрированностью в принимающее сообщество. На основе мониторинговых исследований федерального и регионального уровней можно говорить о повсеместном ограничении для мигрантов доступа к отдельным видам работ и о занижении заработной платы. Известно, что более половины мигрантов в России заняты низкоквалифицированным трудом. Образование, квалификация, профессиональные навыки мигрантов часто не востребованы на российском рынке труда. Социальные риски этой группы связаны с нисходящей трудовой мобильностью.

По данным экспертов, не менее 60% мигрантов работают в России незаконно. «Неформальная занятость» мигрантов (с нерегламентированными условиями труда) является следствием ее «выгодности» на теневом рынке при несовершенстве законодательства и его правоприменения.

менения. Иностранцы мигранты повсеместно испытывают ограничения при найме жилья и ценовую дискриминацию. Доступ к получению статуса постоянного жителя лимитирован. Наиболее серьезные риски в развитии человеческого потенциала мигрантов и вызовы политике интеграции, как правило, «сопряжены с ограниченным набором социальных прав (отсечением мигрантов от социальной защиты, неэффективностью социальных институтов, призванных обеспечить вторичную социализацию мигрантов), реализацией прав человека в отдельных сферах (в первую очередь доступа к здравоохранению, к правосудию и правовой защите, права на достойный труд), отторжением мигрантов принимающим обществом и ограниченными коммуникациями мигрантов с местным населением» [7, с. 26].

В принимающем сообществе, остро реагирующем на рост миграции, мигрантам предъявляют претензии в том, что они усиливают конкуренцию на рынке труда, отбирают рабочие места, тормозят повышение зарплат и развитие производства, способствуют развитию «теневой» экономики, коррупции и снижают поступления по налогообложению. Однако известно, что экономическая специализация мигрантов связана главным образом с низкоквалифицированной, низкооплачиваемой работой и непрестижными сферами деятельности. В СФО в целом и в его городах прежде всего мигранты заняты в торговле продовольственными товарами, в сфере услуг (общепит, ремонт жилья и дорог, ремонт и мойка автомобилей, ремонт одежды, торгово-посредническая деятельность), в аграрной сфере (выращивание тепличных овощей) и проч.

Как социальный феномен этническая специализация зависит от стажа миграции и от укорененности диаспоры в городской среде. Неквалифицированным трудом занимаются недавние приезжие, которые ориентируются на сетевые (этнические/земляческие) связи как форму и механизм адаптации. Этническая ориентированность бизнеса снижается по мере интеграции мигрантов в социально-экономическую инфраструктуру города. Многочисленные для Новосибирска азербайджанская и армянская диаспоры, которые формировались на протяжении последних 40 лет, вовлечены в сложную структуру городской

экономики. Специализация с низкой квалификацией характерна в настоящее время для большей части (при известных исключениях) таджиков, узбеков, киргизов. Это работа в ЖКХ, подсобные работы, кустарный пошив одежды и проч.

Риски, формулируемые принимающим сообществом относительно социально-экономической сферы, имели в прошлом гипотетический характер. Но нельзя не признать, что в ходе миграционного обмена происходит неуклонное ухудшение качественных характеристик трудовых ресурсов региона: снижается уровень образования, сокращается число высококвалифицированных специалистов, падает творческий потенциал общества.

По мере развития миграции и усиления конкуренции за доступ к ресурсам и сфере занятости можно говорить о нарастании конфликтности. Этнический фактор в этой ситуации может выступать катализатором социально-экономических противоречий, которые развиваются от риска к конфликту. Показателем роста напряженности в социально-экономической сфере является обострение криминогенной ситуации, связанной с миграцией. Последний опрос ВЦИОМ выявил, что большинство (65%) граждан России негативно относятся к иммиграции, так как она увеличивает преступность и коррупцию в стране [12].

Начальник ГУ МВД России по СФО Ю.М. Прошалыкин сообщил, что иностранные граждане в сибирских регионах стали чаще совершать преступления: за первое полугодие 2013 г. этническая преступность выросла примерно на 7%. В 2012 г. в округе 1127 иностранных граждан были привлечены к уголовной ответственности. Больше стало и иностранцев, ставших жертвами преступных посягательств, – около 500. Отмечено образование преступных групп, организованных по этническому принципу. Такие группы, равно как и смешанные, в которых задействованы местные жители, занимаются незаконным оборотом наркотиков, разбоями, кражами и т.д., а также совершают экономические преступления. Причем прогнозируется тенденция роста этого вида преступлений [13].

Помимо усиления этносоциальных противоречий значительный сегмент рисков в контексте миграции составляют этнокультурные проблемы, связанные со сферой образования, традиционной религией, доступом к информации на родном языке, к культурной инфраструктуре и т.д. При недостаточной эффективности декларированных Концепцией государственной миграционной политики России легитимных практик интеграции мигрантов продолжают сепарация и «капсулирование» населения по этническому признаку.

В городах СФО стихийно формируются «этнотауны», где во многом воспроизводятся традиционная социальная стратификация и традиционные культурные модели. Одновременно с развитием миграционных процессов фиксируется изменение этнического состава учащихся общеобразовательных учреждений городов округа. К примеру, в Новосибирске полиэтничный состав учеников имеют десятки школ. К настоящему времени в них отмечается не только увеличение количества классов с этнически смешанным составом, но и увеличение количества представленных среди учеников народов. Так, если в 2005 г. классы состояли из представителей двух-трех народов, то в 2011 г. появились классы, где учатся представители четырех-восьми народов [14]. Администрации школ вынуждены корректировать программы с учетом этнокультурной специфики: религиозных и календарных праздников и других традиций.

Школы с полиэтничным составом учащихся испытывают множество проблем, включая крайне слабое знание русского языка детьми мигрантов, сезонный характер посещения ими школы, отсутствие федеральных и региональных программ адаптации детей-мигрантов к системе среднего образования, отсутствие квалифицированных кадров, владеющих основами преподавания в полиэтничной среде, и т.д. Хотя опросы учителей и учеников в новосибирских школах с полиэтничным составом показывают относительно благоприятную ситуацию. Межнациональные отношения как дружеские оценили 48% экспертов, как благожелательные – 19%. Если сложить эти в целом положительные оценки, то они, несомненно, составляют подавляющее большинство (67%). Значительное количество экспер-

тов (23%) оценили межнациональные отношения как нейтральные, ровные. Отрицательных оценок оказалось небольшое количество: как терпимые оценили межнациональные отношения только 9% классовых руководителей и как враждебные – 1%. И все же в 10% классов с межнациональным составом учеников отношения оцениваются как непростые [14].

В последние годы в школах Новосибирска и других городов СФО увеличивается численность категории учащихся, оторванных от привычной языковой и культурной среды, но в полной мере не интегрированных в принимающее сообщество. Связанная с ростом миграции конфликтность в сфере образования также имеет тенденцию к нарастанию. Она является показателем снижения качества человеческого потенциала, в том числе в связи со снижением качества и эффективности образования. Для нейтрализации рисков требуется (на государственном уровне) разработка специальных программ и методик адаптации иностранцев. Потребность в этих программах возрастает в связи с новыми законодательными инициативами, вводящими знание языка в качестве условия трудовой интеграции мигрантов. Школа, остро реагируя на процессы, происходящие в обществе, демонстрирует неоднозначность ситуации, связанной с оценкой рисков.

Не менее значимым показателем изменения этнокультурной ситуации в городской среде является конфессиональная динамика. Вслед за постепенным увеличением численности среднеазиатских и закавказских диаспор в городах СФО растет количество мусульманских мечетей и молельных домов. По данным имам-хатыба Соборной мечети Новосибирска Н. Шакирзянова, в 2010 г. отпраздновать окончание священного месяца Рамадан на ее территории собрались около 4 тыс. мусульман, в 2012 г. – около 5 тыс. Наиб-имам Новосибирской мусульманской общины оценивает общее число мусульман в Новосибирской области в 200–300 тыс. чел. Эксперты, высказывающиеся в СМИ, считают эту цифру завышенной. Председатель Новосибирского магометанского общества Р. Сулейманов уточняет оценку: по его данным, в области около 100 тыс. мусульман [15–17].

Религиозная консолидация, являясь одной из форм самоорганизации миграционного сообщества, актуализирует групповые формы культурной (этноконфессиональной) идентичности, но порождает специфические риски. Конфессиональные различия объективно становятся фактором сегментирования общества. В городской среде динамика межэтнических отношений часто развивается по линии увеличения этнокультурной дистанции. На уровне индивидуального сознания усиление неприятия связано с субъективной оценкой обычаев, нравов и форм поведения представителей другой культуры сквозь призму традиций и норм собственной. Проблему усугубляют незнание и стереотипные представления. Эти факторы являются препятствием на пути формирования культуры толерантности во всем региональном сообществе.

Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) выполнил исследования, посвященные отношению местного населения к мигрантам. Более чем в 40 субъектах Федерации опросили по 500 чел. с соблюдением всех требований к выборке респондентов.

Согласно опросу, проведенному ФОМ среди жителей Новосибирской области, более половины нетерпимо относятся к приезжим и требуют дать русским больше прав: 15% респондентов поддержали ультимативную формулировку «Россия – для русских», 53% согласились с утверждением, что Россия – «многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенными преимуществами». Относительно толерантными можно назвать 20% жителей региона. Именно столько сторонников нашлось у утверждения «Россия – многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами».

По данным ФОМ, рейтинг самых нежелательных мигрантов для новосибирцев возглавляют выходцы с Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы, черкесы и др.). Жить по соседству с кавказской семьей не хотели бы 56% респондентов. Второе место занимают мигранты из Азии (узбеки, киргизы, таджики, китайцы, вьетнамцы, корейцы), жить рядом с семьями которых не хотят 53% участников опроса. Сосуществовать с семьями выходцев из Закавказья (азербайджанцами, ар-

мянами, грузинами) не хотят 50% респондентов. Меньше негатива вызывает перспектива соседства с украинцами и молдаванами (16 и 23% соответственно) [4].

По данным опроса, проведенного на портале НГС, 18% респондентов считают, что русские должны пользоваться преимуществом при приеме на работу. Еще 13,5% опрошенных говорят о том, что у русских должно быть преимущество в получении образовательных и медицинских услуг. Почти 20% участников опроса уверены, что мигранты должны быть поражены в праве покупки жилья и праве выбора места проживания [4].

В Сибирском федеральном округе самым нетерпимым к мигрантам, по данным ФОМ, оказался Красноярский край, самыми толерантными – Омская и Иркутская области. Новосибирская область занимает срединную позицию вместе с Кемеровской областью и Республикой Хакасией. В целом по России самая сильная нетерпимость по отношению к мигрантам характерна для Москвы, Оренбурга и Калуги [4].

В СФО, как и в других регионах, эксперты все чаще говорят об эскалации мигрантофобии. Но при пристальном изучении настроений и оценок принимающего общества на региональном уровне это мнение экспертов может быть поставлено под сомнение: образ «этнического мигранта» на поверку оказывается обобщенным образом «чужого», аккумулирующим социальное недовольство. Однако нельзя не учитывать большой конфликтогенный потенциал этнических миграций.

Сегодня Россия формирует свое отношение к экономическим выгодам и этносоциальным рискам миграции. Нейтрализация рисков соответствует государственной стратегии перехода к единому гражданскому обществу с признанием необходимости интеграции. Но как свидетельствует опыт западных стран, интегрировать мигрантов в социальное, культурное, политико-правовое пространство принимающих территорий весьма непросто. С каждым годом в странах Европы растут число и вариативность этнокультурных моделей и одновременно усиливается отторжение принимающим обществом иммигра-

ционных общин. Признанные в 1990-е годы стратегия и практики мультикультурализма ставятся под сомнение и рассматриваются в связи с проблемой угрозы традициям и национальной целостности. Ощущение опасности усиливается с увеличением масштабов иммиграции. В странах мира формируется концепция интеркультурализма, предполагающая унификацию ценностей. Среди аналитиков утверждается мнение, что неконтролируемая иммиграция при сохранении этнокультурной сегментации может поставить под вопрос то обязательное качество нации, которое называется идентичностью.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что изменения, произошедшие в России за последние десятилетия, оказали существенное влияние на качество человеческого потенциала Сибири. В городах СФО к настоящему времени сложились следующие тенденции, которые могут быть оценены с позиций риска:

- длительное сокращение численности городского населения при сохранении «западного тренда» внутренней и внешней миграции и при отсутствии возможности компенсации демографических потерь за счет миграции, имеющей неэквивалентный характер (в том числе по уровню образования и профессиональной подготовке мигрантов);
- усиление этнической мозаичности при доминировании «ориентализации» с большой вариативностью социокультурных, языковых и конфессиональных стандартов; в перспективе – растущая конкуренция на рынке труда (в том числе и по этническому признаку) и усиление давления на социокультурную инфраструктуру;
- эскалация напряжения в принимающем обществе как реакция на трудности адаптации социально-экономической структуры и инфраструктуры региона к стабильно высокой миграции, усиливающаяся политизация проблемы внешней (этнической, в значительной степени нелегальной) миграции, которая рас-

смачивается как фактор дестабилизации ситуации в России в целом и в ее отдельных регионах.

Подобные тенденции негативно влияют на развитие человеческого потенциала Сибири и ее городов. Длительное сокращение численности населения за счет высокой смертности и низкой рождаемости сопровождалось миграционным оттоком. Ухудшалась возрастная структура населения, происходил процесс его старения, уменьшалась численность трудоспособного населения. Одновременно ухудшались здоровье населения и качественные стороны его воспроизводства [18]. В результате замещающей миграции происходит неэквивалентный обмен, в том числе рабочей силы. Наблюдается нивелирование толерантных моделей поведения в рамках региональных сообществ. Миграция и вызванные ею этносоциальные и этнодемографические трансформации региональных, в том числе городских, сообществ СФО формируют зоны риска.

Этнические риски имеют сложную стратификацию, связанную с политическими, идеологическими и культурными ценностями мирового, национальных и региональных сообществ, в которых соединяются противоположные тенденции: групповой солидарности, основанной на религиозных, этнических и других идентичностях, с одной стороны, и политической консолидации и глобализации – с другой. Опасность этнических рисков заключается в том, что они способны усилить кризисные явления, осложнить социальные и экономические программы преобразований и тем самым негативно повлиять на развитие человеческого потенциала.

Литература

1. **Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.** Риски в формировании демографического потенциала Сибири // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 4. – С. 98–116.
2. **Калугина З.И.** Ресурсный дефицит развития человеческого потенциала как угроза модернизации // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 50–71.
3. **Этнополитическая** ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 513 с.

4. **Маковеев К.** Мигрантофобия. – URL: <http://news.ngs.ru/more/538457> (дата обращения 20.07.2013).
5. **Тишков В.А.** О чем забыл сказать кандидат в президенты, когда говорил о миграции // Миграция XXI век. – 2012. – № 1 (10). – С. 4–44.
6. **Красинец Е.С., Кубишин Е.С., Тюрюканова Е.В.** Нелегальная миграция в Россию. – М.: Академия, 2000. – 96 с.
7. **Мукомель В.** Интеграция мигрантов: Российская Федерация / CARIM-East RR 2013/01; Robert Schuman Centre for Advanced Studies. – San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. – 26 p.
8. **Интервью** с руководителем азербайджанской национально-культурной автономии Расимом Сахиб-оглы Бабаевым. – URL: <http://nsknews.info/news/126315> (дата обращения 12.08.2013).
9. **Интервью** с руководителем армянской национально-культурной автономии Фрунзиком Хачатрянном. – URL: <http://vn.ru/index.php?id=24355> (дата обращения 12.08.2013).
10. **Интервью** с президентом национально-культурной автономии таджиков Новосибирска Минходждином Каримовым. – URL: <http://nsknews.info/news/127337> (дата обращения: 12.08.2013).
11. **Интервью** с мэром г. Ош Мелисбеком Мырзакматовым. – URL: <http://www.rg.ru/2013/07/04/reg-sibfo/melisbek.html> (дата обращения 12.08.2013).
12. **В Генпрокуратуре РФ** представили «этнический портрет» преступника. – URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/08/03/1160142.html> (дата обращения 12.08.2013).
13. **В Сибири** выросло число преступлений, совершенных иностранцами. – URL: <http://news.vtomske.ru/news/69197.html> (дата обращения 12.08.2013).
14. **Ушаков Д.В.** Возможности и перспективы гармонизации межэтнических отношений учащейся молодежи (по результатам социологического исследования в Новосибирске) // Россия – глазами народов Сибири. – Новосибирск, 2012. – С. 64–74.
15. **Новосибирские** мусульмане завершили священный пост. – URL: <http://news.ngs.ru/more/98267> (дата обращения 20.07.2013).
16. **Полумесяц** над «Родниками». – URL: <http://news.ngs.ru/more/677477/> (дата обращения 20.07.2013).
17. **Мусульманам** в Новосибирске пост дается легче, чем в Арабских Эмиратах. – URL: <http://sibkrai.ru/news/2011-8-27/17584> (дата обращения 20.07.2013).
18. **Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.** Здоровье населения Сибири: риски и их измерители // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 2. – С. 223–241.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 14.08.2013 г.

© Соболева С.В., Октябрьская И.В., Антропов Е.В., 2013